

Сыту Жуй проводил взглядом удаляющуюся фигуру Линь Хая. Взяв со стола оставленную им пиалу, князь сделал глоток остывающего чая и тихо вздохнул. Этот упрямец никогда не поступится своими правилами. Если бы не долг... возможно, его собственная жизнь сложилась бы иначе — в согласии, любви и семейной гармонии.

Он со вздохом покачал головой. Глупости. Стоит ли ревновать к покойнице? Столько лет терпел, неужто не дожждётся ещё нескольких месяцев? В конце концов, нужно щадить чувства маленькой Юй-эр.

И всё же на душе оставался горький осадок. Линь Хай должен был принадлежать ему, а вышло так, будто он сам оказался здесь третьим лишним.

Пока Сыту Жуй изнывал от глухой ревности, Линь Хай, покинув гостя, долго в нерешительности бродил по дорожкам сада. Ноги не несли его в привычный кабинет во внешнем дворе — вместо этого он направился к главному покою.

После кончины госпожи Цзя этот двор опустел. Хотя служанки ежедневно прибирали здесь, ни Линь Хай, ни Дайюй старалисьшний раз не переступить порог, боясь растревожить утихшую боль. Увидев хозяина, старая надзирательница растерялась и испуганно застыла, но тот лишь молча махнул рукой, веля всем удалиться.

В главном доме каждый предмет, каждая мелочь хранили прикосновение рук Цзя Минь. Она была натурой утончённой и, пока здоровье позволяло, с любовью обустривала их семейное гнездо.

В эту ночь Линь Хай остался здесь. Но сна не было. Он лежал с открытыми глазами, погружённый в тяжёлые думы. С тех пор как они с князем открыли друг другу карты, Линь Хай хоть и не давал явного согласия, но молчаливо потакал ему. А тот шаг за шагом прощупывал границы дозволенного — вплоть до сегодняшнего дня.

Перед Сыту Жуюем он чувствовал непреходящую вину. Неважно, кто из них первым поддался искушению в юности, — ведь именно он, Линь Хай, нарушил клятву, женился и обзавёлся детьми.

В памяти невольно всплыли странности в поведении покойной супруги незадолго до кончины. Иногда Линь Хай всерьёз задавался вопросом: неужели Минь-эр обо всём догадывалась? Все эти годы он упорно избегал возвращения в столицу, и она послушно молчала, ни разу не заикнувшись о поездке к родне. А ведь ей наверняка хотелось навестить близких — каким бы ни было поместье Жунго, там оставался её отчий дом.

Он предал её доверие. Глубоко предал.

Линь Хай прилёг на ту половину ложа, где когда-то спала жена, и уставился в потолок.

«Минь-эр, ненавидишь ли ты меня?»

Шорох у двери заставил его вздрогнуть.

— Кто здесь? — спросил Линь Хай, приподнимаясь.

Дверь тихо отворилась, и вошла матушка Чжан, престарелая кормилица Цзя Минь.

— Господин...

Линь Хай облегчённо перевёл дух.

— Матушка Чжан? Что привело тебя сюда в такой поздний час?

Старуха остановилась у порога, смиренно опустив глаза.

— Служанки донесли, что вы решили заночевать в главном покое. Здесь давно никто не спал, вот я и пришла проверить, всего ли хватает для вашего удобства.

— Всё хорошо, я лишь немного отдохну и уйду, — мягко ответил Линь Хай. — Иди спать.

Однако матушка Чжан не тронулась с места. На её сморщенном лице читалось явное колебание.

Линь Хай нахмурился:

— Что-то ещё?

Старуха вздохнула и после недолгой паузы решилась:

— Господин... Покойная хозяйка перед смертью оставила письмо. Она велела мне передать его вам лично в руки.

Линь Хай резко сел, помрачнев.

— Письмо хозяйки? Она преставилась полгода назад, а ты принесла его только сейчас?!

Матушка Чжан не посмела оправдываться. Она молча подошла к туалетному столику Цзя Минь, выдвинула потайной ящичек в самом низу и достала запечатанный конверт.

— Госпожа велела отдать его вам, когда придёт время, — тихо произнесла она, протягивая послание.

Какое именно «время» имелось в виду, кормилица уточнять не стала. Поклонившись, она бесшумно выскользнула из комнаты.

За долгую жизнь в богатых домах матушка Чжан повидала немало грязных семейных тайн. Отношения между хозяином и великим князем не укрылись от её глаз. Разумеется, на сердце от этого было беспокойно, но не слуге совать нос в дела господ. К тому же покойная госпожа явно обо всём знала — иначе не оставила бы столь странное завещание.

Остальное старуху мало заботило, лишь бы её ненаглядная барышня была счастлива. Если рассудить здраво, связь хозяина с влиятельным князем, хоть и выглядела греховной, для судьбы Дайюй могла обернуться благом. Люди всегда пекутся о своей выгоде. Матушка Линь, конечно, радеет за продолжение своего рода, но если в дом войдёт новая хозяйка, каково придётся сиротке Дайюй? Будь отец трижды заботлив, мачеха есть мачеха — кто знает, куда повернёт судьба.

Линь Хайю было не до тайных помыслов кормилицы. Он долго и в нерешительности смотрел на конверт, прежде чем наконец сломать восковую печать.

На бумаге проступили знакомые, изящные иероглифы. Но почерк казался неровным — должно быть, госпожа писала это, уже угасая от болезни. В письме не было упрёков или громких слов. Лишь тихая, будничная забота: она просила его беречь себя, не забывать вовремя обедать в холодные дни и приглядывать за Дайюй. И лишь в самом конце приписка:

«Молю небо, чтобы остаток твоих дней прошёл в мире и покое. Лишь это утешит мою душу».

Линь Хай медленно опустил руку с письмом.

«Минь-эр... Значит, ты всё-таки знала. Прости меня. И спасибо за твоё милосердие».

Как только отшумел Праздник фонарей, государственные приказы возобновили работу. Линь Хай целыми днями пропадал в управлении, и времени на встречи с Сыту Жуем почти не оставалось. Князь хоть и ворчал на такую занятость, но докучать не стал. Вместо этого он нашёл себе другое занятие — вызвался обучать маленькую Дайюй каллиграфии и словесности.

Оба они надеялись, что жизнь постепенно войдёт в мирное, размеренное русло, однако внезапный приезд первого принца Сыту Юя и шестого принца Сыту Цзиня в одночасье разрушил этот хрупкий покой.

Линь Хай замер с непроницаемым лицом, а Сыту Жуй лишь поджал губы, сурово глядя на прибывшего вместе с ними высокопоставленного евнуха. Тот был личным доверенным лицом

самого императора.

— Евнух Чжан, что всё это значит? — ледяным тоном спросил Сыту Жуй. — Почему его высочества не во дворце за книгами, а здесь? Если в дороге с ними что-то случилось бы, кто ответит за это?

Каким бы влиятельным ни был евнух Чжан при дворе, перед разгневанным Богом войны он мгновенно растерял спесь и заискивающе улыбнулся:

— Великий князь, на то была воля Его Величества. Ваш покорный слуга лишь исполняет монарший указ. У меня также есть личное письмо от императора к вашему высочеству. Не изволите ли принять?

Сыту Жуй мысленно выругался, но письмо взял. Он понимал, что старый слуга ни при чём. Но что, во имя неба, задумал его царственный брат?

Первый принц Сыту Юй смирно сидел в кресле и попивал чай, старательно делая вид, будто не замечает испытующего взгляда дяди. После недавнего возвращения в столицу отец устроил ему жестокую головомойку, а поскольку евнух Чжан ловил каждое его слово, принц не хотел навлекать на себя новые неприятности.

В отличие от старшего брата, малолетний Сыту Цзинь не разбирался в хитросплетениях придворных интриг. Он так и завертелся на месте, отыскивая глазами дядю, и наконец звонко спросил:

— Седьмой дядя, а можно мне пойти к сестрёнке Дайюй? Я привёз ей столько красивых подарков!

Сыту Жуй души не чаял в племяннике, да и держать его при взрослых разговорах смысла не было.

— Твоя сестрица у себя, в задних покоях. Ступай, — смягчился князь.

Тут же поднялся и Сыту Юй, с деланной небрежностью разгладив складки на халате:

— Дядя, перед моим отъездом Чжиюань просил передать сестрице Линь письмо. Позвольте и мне составить брату компанию.

Линь Хай нахмурился, собираясь возразить, но Сыту Жуй удержал его лёгким жестом. Князь пристально посмотрел на старшего племянника и коротко бросил:

— Иди.

Когда принцы ушли, евнух Чжан предпочёл не вмешиваться в семейные дела княжеского дома и безмолвной тенью отступил к стене. Сыту Жуй мог позволить себе полностью игнорировать старого слугу, но хозяину дома такое было не по чину.

— Евнух Чжан, вы проделали нелёгкий путь из самой столицы, — вежливо обратился к нему Линь Хай. — Не желаете ли отдохнуть с дороги?

— Премного благодарен за заботу, господин Линь, — поклонился тот.

Линь Хай позвал управляющего Линь Чэна и велел устроить гостя в лучших покоях. Как только дверь за ними закрылась, он повернулся к Сыту Жую, безмолвно вопрошая взглядом: «Что задумал император?»

Князь пробежал глазами строки послания и с горькой усмешкой протянул бумагу Линь Хаю:

— Мой царственный брат просто не может оставить меня в покое. Похоже, эти сорванцы задержатся у нас надолго.

Прочитав письмо, Линь Хай в тревоге зашагал по комнате. Император неприкрыто толкал семью Линь в пучину борьбы за престолонаследие, связывая их судьбу с первым принцем. Если тот в будущем взойдёт на трон — это триумф. А если проиграет? Им не сносить головы. Государь требовал невозможного.

Видя его смятение, Сыту Жуй мягко усадил Линь Хая рядом с собой и ободряюще пожал его руку:

— Не тревожься раньше времени. У брата на всё есть свои расчёты. Малыш Цзинь ещё слишком мал, а Юй — старший сын. Если не случится непредвиденного, наследование пройдёт гладко.

Легко сказать. Разве борьба за престол когда-нибудь бывала простой? Династия правила всего три поколения, но в каждом из них лилась братская кровь, увлекая за собой в могилу целые кланы, жаждавшие возвышения. Далеко за примером ходить не надо — те же Чжэни упрямо шли по этому пути до самого конца, и теперь их неминуемо ждала плаха. Государственные дела — не то, во что дозволено вмешиваться простому чиновнику.

Род Линь угасал на нём, и Линь Хай не стремился стяжать вечную славу для потомков. Но подставить под удар свою ненаглядную Юй-эр? Этого он допустить не мог.

Устало вздохнув, он позволил себе расслабиться и прислонился к плечу Сыту Жую.

— Его Величество слишком высокого мнения о моих скромных силах, — тихо произнёс он.

Князь нежно коснулся пальцами его виска, разглаживая залёгшую меж бровей складку.

— Помыслы государя всегда глубоки, но до беды ещё далеко. Мой брат ценит верность и преданность. Я отчасти понимаю, что им движет: он пытается примирить в себе правителя и отца. Наш венценосный родитель преподавал ему жестокий урок. Обладай покойный император хоть каплей отцовского милосердия, наш старший брат, покойный великий князь Чжунъи, не закончил бы жизнь так трагично. Что же касается Сыту Юя... Он не безнадёжен. Бери его под своё начало и учи как следует.

Разговор коснулся опасных тайн престола. О великом князе Чжунъи, который когда-то поднял мятеж и, потерпев поражение, наложил на себя руки, Линь Хай, разумеется, знал. Но обсуждать подобные темы вассалу не подобало.

— Тебе легко говорить, — лишь вздохнул он. — Будь первый принц прилежным учеником, Его Величество не отослал бы его в Янчжоу.

Сыту Жуй лишь снисходительно усмехнулся. Некоторые вещи не нуждались в пояснениях. Он был уверен, что Линь Хай прекрасно понимает истинную причину этой «ссылки». Останься первый принц в столице, он неизбежно попал бы под влияние придворных клик, принялся бы собирать вокруг себя сторонников и тянуться к власти раньше времени — а это вернейший способ лишиться благоволения императора. Временное отдаление от двора было для него не наказанием, а спасением.

Тем временем Сыту Юй привёл младшего брата во дворик Дайюй. Узнав о визите гостей, девочка искренне обрадовалась. Каким бы добрым ни был седьмой дядя, он оставался строгим взрослым, а ей хотелось пообщаться со сверстниками.

— Приветствую Первое Высочество. Здравствуй, брат Цзинь, — Дайюй вежливо присела в поклоне, её глаза весело заблестели.

— Оставь церемонии, сестрица Линь, — приветливо улыбнулся первый принц.

Но договорить ему не дали. Сыту Цзинь нетерпеливо перебил брата:

— Сестрёнка! Смотри, сколько всего я тебе привёз! Быстрее открывай, скажи, нравится?

По его знаку слуги внесли ворох искусно украшенных ларцов и шкатулок. Схватив Дайюй за руку, мальчик принялся увлечённо показывать ей свои сокровища. Девочка лишь тихонько вздохнула — брат Цзинь ни капли не изменился.

— Сестрица, удели ему внимание, — рассмеялся Сыту Юй. — Он всю дорогу только и твердил о твоих подарках. Если не угодишь, он ведь и расплакаться может.

— Кто это тут расплатится?! — вспыхнул Сыту Цзинь, отчаянно пытаясь казаться взрослее. — Я старший брат, мне не положено! Это всё наговоры, сестрёнка, не верь ему!

Глядя на его пунцовые щёки, Дайюй и Сыту Юй дружно рассмеялись. Девочка скромно прикрыла рот шёлковым платком, а старший принц расхохотался во весь голос. Раззадоренный Сыту Цзинь с криком подпрыгнул, пытаясь зажать брату рот ладошкой.

<http://bllate.org/book/18189/1759247>